

ЭКЗЕКОВ Мусса Хабалевич – докторант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84; kamzes@hotmail.com)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать некоторые особенности национализма на Северном Кавказе, которые в российской политической науке все еще не получили должного освещения. При этом главное внимание концентрируется на коренных малочисленных народах, у которых специфика данного феномена проявляется особенно отчетливо. Дается анализ основных факторов и уровней формирования их этнокультурной идентичности, что отражается на их национальном самосознании и общественно-политических установках. Должное место уделено этнической политико-гражданской составляющей национализма, как позитивным, так и негативным его проявлениям на примерах его политизации и феномена «парада суверенитетов».

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, нация, этнос, национализм, этнизм, национальная идентичность, политизация, коренной народ

Одним из ключевых факторов, оказывающих более или менее существенное влияние на основные направления социально-экономического развития и политической модернизации, социокультурные, политические и геополитические реалии Северного Кавказа, является возрождение национализма, зачастую принимающего формы этнизма.

Для правильного понимания данной проблемы необходимо учесть такую особенность региона, как крайнее этническое, социокультурное, языковое, конфессиональное многообразие, которое служит довольно серьезным препятствием для формирования единых наций и национальной идентичности в современном их понимании. Любые проблемы социального, экономического, образовательного или иного характера так или иначе связаны с национальным вопросом. Поэтому естественно, что национальный вопрос в республиках Северного Кавказа играет ключевую роль, и без его разрешения невозможно урегулировать ни один сколько-нибудь серьезный вопрос социального, экономического и политического характера.

Каждый народ имеет не только общие со всеми другими народами интересы, но также собственные специфические интересы, которые нередко могут прийти в противоречие с интересами других этнонациональных общностей и групп. Во всех без исключения республиках в ключевых сферах общественной жизни заметную роль играют этнонациональные, племенные, клановые, клиентелистские и иные начала. Политические предпочтения и выбор кандидатов на всех уровнях властной системы в значительной степени зависят от их принадлежности к этим общностям. Вполне естественно, что любой дискриминируемый или подавляемый народ в той или иной форме будет бороться за свои права и интересы, что, в свою очередь, может стимулировать межнациональные раздоры и дезинтеграционные тенденции. Такое положение служит серьезным фактором конфликтогенности региона, что с особой остротой проявилось в феномене так называемого парада суверенитетов 90-х гг. прошлого века.

С самого начала следует отказаться от бытующего в российской публицистике и даже в определенной степени в научной среде мнения, согласно которому национализм, этнизм, рост интереса к религиозной вере, зачастую перерастающей в фундаментализм, представляют собой пережитки прошлого, противоречащие процессам глобализации и информационной революции. Однако, как

верно отмечает известный английский исследователь Э. Геллнер, национализм – это «не пробуждение древней, скрытой, дремлющей силы, а результат новой формы социальной организации, опирающейся на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством» [Геллнер 1991: 112].

Действительно, анализ реалий современного мира убедительно показывает, что они представляют собой ответы на новые вызовы, порожденные процессами глобализации и информатизации. В этой связи важно учесть тот очевидный факт, что нация и национализм в традиционном их понимании являются историческими феноменами, которые начали формироваться в XVII–XVIII вв. в условиях развертывания первой промышленной революции и становления буржуазного общества и национального государства.

Следует отметить, что в возрождении национализма на Северном Кавказ важную роль сыграли два, казалось бы, не связанных между собой комплекса факторов. Во-первых, как справедливо показано в отечественной политической науке, кажущийся на первый взгляд парадокс глобализации состоит в том, что она имеет своей обратной стороной противоположную тенденцию к выдвиганию на поверхность приверженности народов, коллективов, этнических, культурных, языковых сообществ своим корням, происхождению, этносу, семье, общине, исторической родине, обычаям, традициям, религиозным верованиям и т.д. Поэтому важно с существенными оговорками оценивать позиции тех авторов, которые рассматривают разного рода этнонациональные и этнокультурные, а также религиозные фундаменталистские движения как ретроградные явления, порожденные непониманием закономерностей общественно-исторического развития, как пережитки старых, изживших себя эпох и т.д. В действительности же они представляют собой порождение современных реалий. Об обоснованности этих аргументов свидетельствует тот факт, что на высшей точке глобализации, охватившей все уголки земного шара, наметилась обратная тенденция – к распаду многонациональных государств и появлению на их развалинах множества новых национальных государств.

Во-вторых, на Северном Кавказе ключевую роль в этом процессе сыграл распад СССР. Некоторые авторы называют национализм в России постсоветским феноменом. С этой позицией опять же можно согласиться с некоторыми серьезными оговорками. Нельзя отрицать тот факт, что национализм во многих республиках стал не причиной, а следствием распада СССР. Дело в том, что в СССР национализм, во всяком случае на бытовом уровне, сохранялся, хотя и был загнан в латентное состояние. В постсоветский период он вырвался наружу, приняв зачастую широкомасштабные и крайние формы, вплоть до сепаратизма, что, собственно говоря, и стало основой этнократических режимов в странах Южного Кавказа и требований национальных меньшинств в республиках Северного Кавказа о предоставлении им условий для той или иной формы политической самоорганизации.

В этом плане на Северном Кавказе можно говорить о национализме государствообразующего народа, именем которого названа сама Российская Федерация – национализме более или менее крупных народов Северного Кавказа, название которых присвоены всем северокавказским республикам, кроме Дагестана, и национализме/этнизме лишенных какой-либо формы политической самоорганизации коренных малочисленных народов. Применительно к двум последним категориям народов, которые, в сущности, все еще не приобрели статус нации в собственном смысле слова, как представляется, корректнее говорить об этнизме.

Положение существенно осложняется тем фактом, что в советский период на

всем Кавказе административные границы проводились, как правило, условно, зачастую без учета хозяйственных связей, экономических, этнонациональных, конфессиональных и иных факторов, большей частью исходя из соображений идеологической и политической целесообразности. В результате территории компактного проживания этнонациональных групп не всегда совпадали с территориями национальных автономных образований.

Положение усугубляется особенностями Северного Кавказа, состоящими в том, что здесь этнизм носит трех- и даже четырехступенчатый характер. Для правильного понимания этой ситуации важно учесть, что в СССР имел место такой феномен, как своеобразная официально не признанная, но реально существовавшая иерархическая система классификации этносов, которая была порождена советской системой национально-государственного строительства. Как известно, эта система базировалась на 4-уровневой модели национально-территориального устройства: одни народы были выделены в союзные республики, другие – в автономные республики в составе союзных республик, третьи – в автономные области и автономные округа в составе краев и областей. Множество народов не имели какой-либо формы государственной организации. Как правило, в таком статусе оказалось множество коренных малочисленных народов Северного Кавказа, относящихся к аваро-андо-цезской, лезгинской и даргинской языковой группам нахско-дагестанской, а также абхазо-адыго-черкесской группы кавказско-иберийской языковой семьи.

В результате в регионе сложилась ситуация, при которой этнокультурная идентичность коренных малочисленных народов формируется, во-первых, на уровне каждой отдельно взятой этнической общности: например, это андийцы, ботлихцы, чамалалы и др., принадлежащие к аваро-андо-цезской языковой группе; агулы, цахурцы, рутульцы и др., принадлежащие к лезгинской группе; кайтагцы и кубачинцы, относящиеся к даргинской группе. В свою очередь, народы каждой из названных групп в силу близости происхождения и исторических судеб, культуры, языка, обычаев, традиций, жизненного уклада, а в современных условиях – в силу расширения связей с окружающим миром приобретают важнейшие характерологические составляющие идентичности системообразующего народа соответствующей языковой группы – соответственно аварцев, лезгин и даргинцев, а через них осуществляется процесс общереспубликанской идентичности всех народов каждой из национальных республик. Через республиканскую идентичность формируется идентичность общероссийская.

В этой связи представляется уместным напомнить, что в мировой и российской этнологии и этнополитике выделяются два основных течения в трактовке происхождения нации и национальной идентичности, а именно примордиализм и конструктивизм. Если представители первого течения считают главным фактором, лежащим в основе нации и национальной идентичности, сугубо этнокультурные, языковые и иные связанные с ними составляющие каждого отдельно взятого этноса, то второе течение отдает предпочтение политическим факторам, институту гражданства, гражданской культуре и т.д. Особенность коренных малочисленных народов Северного Кавказа, с данной точки зрения, состоит в том, что в идентичности на двух первых уровнях из названных выше у них преобладает примордиалистское начало, а на республиканском и федеральном уровнях – гражданское, политическое начало. На уровне конкретной языковой группы отдельно взятый человек предстает как представитель конкретного малочисленного этноса, на республиканском – может представляться, например, и как андиец, и как аварец, на общероссийском уровне – и как аварец, и как дагестанец. В то же время он – гражданин Российской

Федерации. Очевидно, что в формировании и институционализации национальной идентичности данной категории народов органически сочетаются как этническое, так политико-гражданское начало. Естественно, при ускоряющихся процессах глобализации и информатизации, а также экономической и политической модернизации возможно постепенное преобладание второго из этих начал, естественно, при сохранении этнокультурных особенностей.

Что касается Кавказа в целом и Северного Кавказа в особенности, то здесь в конце так называемой перестройки, в процессе распада СССР и после него, особенно в условиях так называемого парада суверенитетов, в силу комплекса факторов преобладал примордиалистский подход, который в ряде случаев приобрел радикальные формы. Как известно, на протяжении первой половины 90-х гг. прошлого века на политической авансцене всех национальных республик появилось множество этнонациональных движений, часть из которых выступали с радикальными, экстремистскими лозунгами сепаратизма и создания самостоятельных этнократических государственных образований в составе Российской Федерации и даже вне нее. В этих условиях, как отмечает А.Н. Палчаев, «намечилась тенденция к политизации этнонациональных отношений, или, иначе говоря, этническая самоидентификация практически всех северокавказских народов приобрела более или менее ярко выраженный политический характер. Это проявилось, в частности, в требованиях этнотерриториального суверенитета и национальной государственности. На рубеже 80–90-х гг. в условиях фактической дискредитации базовых основ советской национальной политики возник целый комплекс противоречий, связанных с различными аспектами политической суверенизации северокавказских автономных образований» [Палчаев 2012: 103]. Или иначе говоря, в этом русле следует понимать и оценивать постепенно нараставшую после распада СССР тенденцию к радикализации национальных движений и усилению в некоторых из них сепаратистских настроений. Здесь мы имеем дело с характерным для современного мира феноменом политизации этничности, которая играет двойственную роль, обеспечивая, с одной стороны, сплочение этноса для защиты и дальнейшего развития своей культуры, языка, этнокультурной идентичности и, с другой стороны, поиска реальных или мнимых, выдуманных врагов, будто бы подвергающих их различным формам дискриминации.

При таком положении вещей уже к концу перестройки начались острые споры и дискуссии о формах государственного устройства и территориально-административном устройстве России. Постепенно руководство страны взяло курс на присвоение статуса государственных образований не только национальным автономным республикам советского периода, но также автономным округам и автономным областям краев Российской Федерации. Однако, как показывают феномен «парада суверенитетов» и сепаратистские движения конца 1980-х — первой половины 1990-х гг., национализм так называемых титульных народов соответствующих республик в отношении федерального центра может быть столь же нетерпимым и к республиканским меньшинствам.

Здесь нельзя не затронуть еще один вопрос. Речь идет о том, что после распада СССР для стабилизации социально-экономической, политической и геополитической ситуации на Кавказе особо важное значение приобрела проблема защиты и обеспечения прав и свобод малых и разделенных народов. Речь, в частности, идет о тех народах, которые в результате распада СССР оказались разделенными не просто между различными автономными образованиями в составе Российской Федерации, а государственными границами между Российской Федерацией, с одной стороны, и Азербайджаном и Грузией — с другой.

Это осетинский, лезгинский, аварский, цахурский и рутульский, азербайд-

жанский, греческий и др. народы, которые оказались разделенными между Дагестаном и Азербайджаном, Грузией и Азербайджаном, Грузией и Северной Осетией, Грузией и Дагестаном и т.д. В результате острота политических, социально-экономических, культурных, языковых проблем этих народов достигла своей кульминации; они уже понесли огромные материальные потери из-за разрушения хозяйственных, торговых, культурных связей. В итоге разделенные народы, оказавшись в окружении комплекса сложных, трудноразрешимых проблем, стали дополнительным фактором, стимулирующим национализм и этнизм по обе стороны государственных границ.

Подводя итог проведенного исследования, можно утверждать, что национализм сам по себе нельзя оценивать однозначно — негативно или позитивно. Это феномен характерен для почти всех народов — как крупных, так и малых. На определенных этапах он сыграл ключевую роль в формировании наций и национальных государств. Зачастую его справедливо отождествляют с патриотизмом. Но в то же время при соответствующей трактовке национализм может сыграть разрушительную роль, особенно если он основывается на сугубо примордиалистских началах, на признании этнической исключительности, этнократизме, игнорировании интересов других народов. В этом плане неприемлем радикальный этноориентированный национализм как крупной государствообразующей нации, так и национальных меньшинств и малочисленных народов, который способен подтачивать и разрушать материальные и духовные основы общества.

Список литературы

Геллнер Э. 1991. *Нация и национализм*. М.: Прогресс. 319 с.

Палчаев А.Н. 2012. Конфликтогенный потенциал национально-территориального устройства Северного Кавказа. — *Власть*. № 1. С. 101-105.

EKZEKOV Mussa Khabalevich, Doctoral Candidate at the Chair of National and Federal Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 1, 82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; kamzes@hotmail.com)

SOME FEATURES OF NATIONALISM IN THE NORTH CAUCASUS

Abstract. *The article attempts to analyze some features of nationalism in the North Caucasus, which in Russian political science still have not received proper coverage. At the same time, the main attention is concentrated on indigenous peoples, whose specificity of this phenomenon is manifested especially clearly. The author gives an analysis of the main factors and levels of formation of their ethno-cultural identity, which is reflected in their national self-consciousness and socio-political attitudes and gives a proper place to the ethnic political and civil component of nationalism, both its positive and negative manifestations with examples of its politicization and the phenomenon of the freedom parade.*

Keywords: *Russia, North Caucasus, nation, ethnos, nationalism, ethnicism, national identity, politicization, indigenous people*